

«СЕЛЬСКИЙ ВРАЧ»*

Они вдохновенно служат народу и вместе с ним, вместе с сельскими коммунистами и миллионами непартийных колхозных большевиков, сказочно преобразуют нашу землю.

Шумят ли над зреющими нивами пышнозеленые дубы и вязы, плещутся ли среди былой полупустынной степи синие волны водоема, бредут ли по обновленным пастбищам дивные племенные стада, загораются ли во мраке осенней ночи чистые, веселые электролуги — это построено, выращено, взлелеяно с неперенным, самым деятельным и страстным участием нашей сельской интеллигенции.

Читает ли на школьном празднике третьеклассник Ванюша светлые пушкинские стихи, грядутся ли юннаты над выращиванием ветвистой пшеницы, плачут ли от сладостного умиления матери и бабуки, когда на выпускных вечерах вручаются сынам их и дочерям, и внукам аттестаты зрелости, вы услышите, непременно услышите имена тех, кто воспитал, воспитывает это чудесное юное племя: «Всякого ей счастья, Марии Григорьевне...» «Да, постаралась наша Машенька...»

Их, сельских учителей, агрономов, механизаторов, электриков, зоотехников, лесоводов, врачей, радиотов, их, плоть от плоти, кость от кости народной, радостных создателей новой земли, деревня душевно чтит и светло гордится ими:

«Наша Машенька!»

«Наш Федор Гаврилович!»

Иной колхозник идет, словно бы насупившись, сосредоточенно думает о чем-то своем, но повстречал агронома Федора Гавриловича и вот уже весь засветился и, кажется, что заулыбался даже его картуз.

И пусть вы на Горном Алтае, или в лесной костромской деревне, или на зесе-ло белеющем среди пополей и вишневых садов хуторе близ Диканьки, — повсюду видите вы творения их мысли и рук их. А

* «Сельский врач». Новый цветной художественный фильм. Сценарий М. Смирновой. Постановка С. Герасимова, оператор В. Рапопорт, художники И. Степанов, Л. Иконникова, композитор Н. Будашкин, звукооператор Н. Писарев. Производство Московской киностудии имени М. Горького.

чудеснейшее из всего — человек: вот Ванюша, Галя, Егорушка, вот — молодые механизаторы, электротехники, кинемеханики, животноводы, мичуринцы полей и садов — небывалое поколение, славное племя, пестуемое нашей сельской интеллигенцией под началом колхозных парторганизаций.

И уж, конечно, нелегко этот труд их.

...Бушует алтайская метель. Автомобиль остановился на выезде из районного городка: дальше не продвинуться ни на метр. Но там, в десяти километрах, в колхозе Ильича, собрались коммунисты, ждут лектора. И в кипящей пурге, напряженно вглядываясь в вешки, идет, идет райкомовский пропагандист. Только б не сорвать лекцию!.. Только б донести к человеческому сердцу большевистское слово!..

Какая же это нужная и благодарная задача — показать читателю и зрителю этих, большой душевной красоты труженников советской культуры, новаторов колхозной земли!

Несколько лет назад одна из наших писательниц-сценаристок Мария Смирнова создала волнующий образ сельской учительницы, а теперь показала советскому зрителю наших сельских врачей.

«Сельский врач» — хорошая картина, она волнует, радует, в ней — живые наши люди, солнечная наша действительность. Однако взыскательный советский зритель приметит здесь некоторые досаднейшие оплошности. Не будь их, перед нами была бы не просто хорошая картина, а замечательное произведение искусства. Именно поэтому мы и отметим прежде всего эти погрешности, ощутимо снижающие художественные качества фильма.

Все мы помним эти, глубочайшей мудрости, гениального проникновения в живую жизнь слова товарища Сталина о советской интеллигенции:

«...она является теперь равноправным членом советского общества, где она вместе с рабочими и крестьянами, в одной упряжке с ними, ведет стройку нового бесклассового социалистического общества».

Специалист, замкнувшийся в пределах своей профессии и словно бы отгородившийся от кипящей, пламенеющей, сказочной но-

ви, от исканий и радостей народа, создающего солнечный мир коммунизма, — может ли такой человек выражать основные черты нашей народной интеллигенции?

Тем-то прежде всего и отличается наш агроном, наш учитель, наш врач от служилых земских людей, что это — агроном-общественник, учитель-общественник, врач-общественник, связанный всеми корнями с рабочим классом и крестьянством.

Он и вдохновение и страсть свою к непрестанному совершенствованию черпает из живых родников нашей жизни.

Впрочем, как бы спохватившись, автор сценария вкладывает в уста престарелого доктора Арсения Ивановича Арсеньева такую тираду:

— Не забывайте еще одного, молодой человек. Наше дело ведь не только лечить, мы еще должны участвовать в сложной духовной жизни народа. Ведь мы с вами и есть сельская интеллигенция.

И еще так:

«Арсеньев: И в коллективизацию тоже потерпелся от реакционных элементов. Я ведь в коллективизации принимал участие».

Казанова: Да, да, да...

Арсеньев: Ну, ведь, давно тут живу, всех знаю...

Казанова: Да...

Арсеньев: Ну, знай, кто действительно бедняк, а кто и маскировался».

Все! Больше положительно ни слова о том, что делалось и делается за больничными стенами: (а там совершается небывалое, почти что волшебное).

Впрочем, уже стар и болен доктор Арсений Иванович. Но вот молодая, только что из института Татьяна Николаевна Казакова! По воле сценариста ее участие «в сложной духовной жизни народа» сводится к посещению кузницы и колхозного тока, но и там ее интересуют лишь качество питьевой воды да подводки для перевозки больных.

Правда, мы видим ее еще в хлопотах о прибольничном артезианском колоде, о детских яслях и, наконец, на деревенской свадьбе, кстати, изображенной в весьма устарелом виде.

Да ведь живые же люди — советские сельские врачи! Как и вся наша интеллигенция, они не только отличные специалисты, но и пропагандисты, деятели культуры, друзья, советчики и слуги народа, строящего новый мир. Их страстно интересует колхозный стахановец, по мере сил своих они содействуют стройке гидростанций, сельских лекториев, общественных бань, им весьма надобно знать весь быт деревни... И — подумайте: сколько потеряно в картине этой живых красок, сколько упущено художественных возможностей: врач в народе, врач на лекторской трибуне, врач и школьники, врач в деревенском политкружке, врач в колхозной хате...

К слову: один из московских рецензентов написал, что если бы, мол, вывести врача в народ и «отобразить то и это», получилась бы «некая энциклопедия».

Самоочевидно, что если бы Пушкин, или Толстой, или Шолохов вот так же страшились «энциклопедичности», то есть сложности и жизненной правдивости изображаемых характеров, то не было бы у нас ни Онегина, ни Карениной, ни Давылова.

А речь-то идет именно о жизненной правде, об образе врача, какого не было и быть не может вне социалистического общества.

И неверно это, будто бы весь мир молодого советского врача Тани Казаковой может уместиться на двухстах квадратных метрах больничного здания!

Таков основной недостаток этой картины.

И вот еще одно замечание. По всему судя, автор сценария намеревался поставить в центре картины молодого врача Таню Казакову, воспитанницу советской высшей школы. Да иначе и быть не могло. И писательница наделила Таню многими прекраснейшими чертами (страстью к труду, волевым характером, целеустремленностью, большой чуткостью) и всё же, как уже знаем, не дала своей героине сценарного материала, чтобы та явила собой законченный образ советского врача. Иное — со старым доктором Арсеньевым. Он показан автором с такой глубокой любовью и душевной теплотой, что перед нами — действительно живой, рядом с нами живущий человек: зритель точно бы уже много раз встретился с ним, даже, быть может, лечился у него. К тому же артист Г. Белов, играющий Арсеньева, вновь поднялся на такие высоты реализма, что образ этот долгие не поблекнет в памяти зрителя. Так, среди иных эпи-

зодов выделяется следующий: Арсеньев, чуткой души человек, угадывает, что лю-бят друг друга Таня Казакова и агроном Поспелов. Арсеньев сидит один и, кажется, прислушивается к шагам влюбленных, к их удаляющимся голосам. Молчание и ни одной жесты, — зритель смотрит на просветленное и немножко грустное лицо доктора, в эти обаятельно выразительные глаза, и — без слов, без единого движения артиста — перед нами как бы раскрываются, шепелят страницы воспоминаний старого доктора: далекая, далекая юность, любимая девушка... И — теплая, чуть приметная полуулыбка: это — ласковые, отповесные думы о них, молодых, радостных, одаренных несравнимым счастьем — счастьем совсем иной жизни.

Так играет Григорий Белов.

И так вышло, что, невзирая на талантливую игру артистки Т. Макаровой (врач Казакова), центральным героем картины все же стал престарелый доктор Арсеньев, внушающий своему «молодому коллеге»:

— Разве пятьдесят лет тому назад мы так шли в деревню! На голое место шли! На тиф, на холеру! И, заметьте, только к себе претензии предъявляли, а вы хотите на готовенькое. Нет, молодой человек, все это еще заработать надо.

При всем том с неослабевающим вниманием, с надеждой и со все растущей симпатией следит зритель за Таней Казаковой. В пределах данного ей писателем материала Тамара Макарова сделала все, чтобы создать живой образ советского врача.

Волевой характер, целеустремленность, волнующая и воспитывающая преданность делу, непреклонное стремление к совершенствованию — это показано артисткой с безукоризненной правдивостью, и верит зритель, что осуществится, непременно осуществится мечта ее:

— Я очень хочу овладеть диагностикой и стать хорошим, настоящим врачом...

Есть в этой картине сцены огромной художественной силы: Казакова знакомится с коллективом сельской больницы, Казакова у постели больного Арсеньева, Казакова и хныкающий зазнайка Темкин (под копен он как будто «перековывается»), возвращение Казаковой из Москвы после доклада в академии о научном труде старого доктора.

И, конечно, еще и еще раз ощутит зритель все жизненное значение и всю красоту будничного, но такого захватывающего и

благородного труда сельской интеллигенции. Фильм пробуждает жаркий интерес к нашим далеким или, как их еще называют, глубинным селениям, где, как и повсюду на колхозной земле, одна за другой стираются грани между городом и деревней и где волей, трудом и гением народа утверждается социалистическая новь. Фильм зовет туда, в преобразуемые глубины страны, молодую нашу интеллигенцию, наших юношей и девушек, и кто ж усомнится, что зов этот будет услышан.

Есть здесь и сцены, как бы просвеченные лучистым и мягким юмором: вот беседа молодого врача с бабушкой Пегуковой или встреча доктора Арсеньева с делом Зуевым, или разговор агронома Поспелова с колхозником Струковым.

Зритель часто улыбается меткому слову, картинному выражению, — Мария Смирнова очень умеет слушать народную речь.

В фильме много маленьких и совсем маленьких ролей, их исполняет артистическая молодежь — и исполняет удачно. Медицинские сестры Нюра (арт. К. Хабарова), Шура (арт. А. Харитоновна), Ира (арт. Л. Иванова), колхозник Струков (арт. Н. Сморгачев), колхозница Баранова (арт. И. Макарова), завхоз больницы (арт. В. Гуляев), председатель колхоза Балашов (арт. И. Кузнецов). — все они появляются на короткое время, говорят мало, больше слушают и наблюдают, так что почти все у них в мимике, в жестях, но зрителю так близки они, понятны, милы, что ему жаль расставаться с ними.

В этом ярком и очаровывающем зрителя показе юных, многообещающих дарований чувствуется мастерская рука талантливого режиссера Сергея Герасимова, умеющего и в повседневной жизни подмечать черты нового, показывать прекрасные качества советских людей.

И нечто левитановское улавливается в искусно снятых пейзажах, в безмерных просторах залитой солнечным светом степи, в огнях, дымах, в мерцающем полусвете зимних сумерек. Это труд кинооператора В. Рапопорта.

Да, хорошая картина! Зритель видит малоземельный ему уголок нашей большой жизни и уходит с ощущением, что вот и он побывал в сельской больнице, у одаренных, милых, увлеченно работающих товарищей.

Но эта картина могла быть несравненно лучше.

А. КОЛОСОВ.